

Жан Гросс-Толстиков

ПЕРЕВАЛЪ

Annotation

Издавна российские офицеры отправлялись на Кавказ, в последствии либо возненавидев непокорную землю, либо воспевая ее в стихах и романах. Служба новоиспеченного командира взвода ВДВ могла бы ничем не отличаться от службы сотен таких же лейтенантов, если бы не бурное воображение его самого. Начитавшись старинных романов о ратных подвигах и службе российских офицеров на Кавказе, Аракчеев жаждет подобного и для себя... И служба преподнесет ему настоящий урок, поставив на чаши весов жизнь и смерть.

Переваль

Жан Гросс-Толстиков

*«...За честь и знамя своего полка,
За русский дух, за русское «Ура»!»*

Русский офицер ехал на Кавказ...

*Русский офицер ехал на Кавказ
По приказу батюшки – царя,
Бравые усы, конь – хоть напоказ,
И глаза отвагою горят.*

Александр Филипенко

Багряный диск солнца, словно сорвавшись с небосклона, упал за горные хребты, казалось, с явным слуху шипением озарив заснеженные вершины. Заря охватила добрую треть, если не половину неба и в ее свете четко выделялись бело-матовые громады гор. От последних в низине тянулись длинные в несколько верст тени, неохотно отползая к подножью. Свойственный Кавказу вечер не был долгим.

Северная русская ночь ложится на землю мягко, осмотрительно, словно давая странствующим путникам возможность обрести ночлег. Ее ватные сонные руки поматерински принимают в свои объятия, утешая и убаюкивая. Ночная мгла властно заглушает все звуки и шумы, прерывает разговоры. Совершенно иное дело – южная кавказская ночь. Она не ложится, а будто падает на землю, покрывая все плотным непроглядно-черным одеялом.

– Русский офицер ехал на Кавказ по приказу батюшки – царя, – бубнил себе под нос коренастый ефрейтор-водитель, лихо крутящий «баранку» армейского «Урала». – Бравые усы, конь – хоть напоказ, и глаза отвагою горят... Пум-пу-ру-рум... Пум-пу-ру-рум... А на Кавказе служба не легка, хоть мы уже давно не юнкера... За честь и знамя русского полка, за русский дух, за русское ура.

Сидящий рядом с водителем старший лейтенант воздушно-десантных войск Аракчеев скосил взгляд влево и молча кивнул, тайком усмехнувшись самому себе. Одной рукой удерживая руль, щетинистый с седой проседью ямщик в заскорузлом заячьем тулупе, подпоясанном бечевкой, указывал плетью куда-то вперед.

– Но-о, залетняя! – прицокивая языком, вскрикивал он, будто и в самом деле подгонял спрятанных под капотом «Урала» двести-сорок лошадей.

Алексей Андреевич проследил в указанном направлении и глубоко вздохнул. Казалось, совсем рядом, в нескольких десятках метров тянулась чернеющая лесами громада горного хребта, увенчанная белоснежными шапками. Очертания вершин и причудливая, чуть искаженная зацепившимися свинцово-серыми курчавыми тучами воздушная линия притягивала взгляд старшего лейтенанта, как магнит. В глубоком иссиня-черном небе торопливо рассыпались мириады ярких бриллиантов звезд.

Всматриваясь в дрожащую бесконечность ночного неба, мерцание звезд и величие горных хребтов, Алексею Андреевичу стало как-то не по себе. Он почувствовал себя той самой мелкой букашкой, торопящейся по своим делам с одной травинки на другую и затрачиваемой уйму часов на преодоление мизерного расстояния в человеческом понимании.

– Што, Ваш благородие? – лукаво усмехнулся ямщик. – Горы захватывают?

– Есть немного, – тихо признался комвзвода. – Красиво же...

– Привыкнете, товарищ старший лейтенант, – откровенно улыбнулся ефрейтор-водитель, поправляя сползшую на затылок шапку. – Еще надоест!

От разбитых осенними дождями, ветрами и тяжелой армейской техникой ухабов дороги кабину грузовика-семитонника раскачивало, как детскую люльку.

В то время, как одна рука Алексея Андреевича сжимала цевье автомата, другая крепко держалась за ввинченную в раму ручку. Но и это не сильно снижало амплитуду балансирования худощавого тела на стареньком потертом годами сиденье уральского тяжеловеса. От долгой дороги неумолимо клонило в сон и курчавая голова новоиспеченного комвзвода ВДВ то и дело больно билась о боковое стекло. Не спасал и сдвинутый на правую сторону мягкий подшлемник.

Неожиданно резко дорога повернула вправо и длинные руки фар воровато выхватили из ночной мглы очертания блокпоста.

– Приехали? – с откровенной надеждой в голосе спросил Аракчеев водителя.

– Никак нет, товарищ старший лейтенант, – с силой вдавливая педаль тормоза в пол по самую «плешку», отрицательно замотал головой водитель. – Это только пост дагестанской милиции... А до наших еще километра четыре.

«Урал» закрихтел тормозными колодками, заскользил по хлюпающей грязи и едва не сбил выскочивших навстречу даргинцев. Двое милиционеров ошестинились автоматами и пристально вглядывались в скрытую ночной мглой кабину грузовика. Их напряженные лица отчетливо виднелись в свете фар, в то время, как ни ефрейтора, ни старшего лейтенанта Аракчеева, ни уж тем более трясущегося в крытом кузове два десятка российских десантников им видно не было.

– Парол: шестнадцат! – без приветствия прокричал один из милиционеров.

– Атвэт: дэвят, – торопливо выполнив в уме незамысловатые вычисления системы паролей ответил водитель грузовика, в шутку придав голосу южный акцент, высунув нос в заранее приспущенное окно.

– Топорков, ты што лы? – заметно подобревшим и чуть расслабленным голосом переспросил даргинец.

– Я, – расплываясь в улыбке, сверкнул кривыми желтыми зубами ефрейтор.

Не заглушая двигатель «Урала», он распахнул дверь и легко выскочил из кабины наружу, тотчас же утонув по щиколотку в липкой грязи. Недавно начавший моросить дождь властно впитывался в почву, превращая дорогу в жидкое месиво.

Алексей Андреевич поправил сдвинутый ранее на правую сторону подшлемник, набросил поверх него капюшон плащ-палатки и с неохотой выбрался из скудной в удобствах кабины в осеннюю прохладу кавказской ночи. В то же время из крытого брезентом кузова посыпались в грязь томящиеся в нем десантники.

Кто-то тотчас же принялся раскуривать сигареты, по-привычке пряча тлеющих «светлячков» в ладони, как от дождя, так и от вездесущих чеченских снайперов. Кто-то здоровался по-мужски за руку с милиционерами, обменивался сигаретами и анекдотами.

Недавно прибывший по распределению на Кавказ старший лейтенант Аракчеев мысленно признался себе, что находится не «в своей тарелке», но и навязываться со своим общением как к даргинцам, так и к вверенным ему десантникам не собирался.

Он зашел за машину, прячась от рьяно пытающегося сорвать с него плащ-палатку ветра, и в ожидании пронырливого ефрейтора переминался с ноги на ногу. Мелкий беспрерывно морозящий дождь прогнал сон и Алексей Андреевич с интересом попытался осмотреть

окрестности блокпоста, старательно вонзая взгляд в ночь. Не принося совершенно никаких результатов, это занятие быстро надоело.

Не смотря на разыгравшуюся непогоду Кавказ одаривал приятными ощущениями, будоражащими воображение и жажду приключений. От прохлады ночного дождя еще не остывшая земля парила косматым туманом. Старший лейтенант Аракчеев тайком, одними лишь уголками губ, улыбнулся сам себе. Давняя мечта уверенно становилась явью...

* * *

– ...Коль не уродился ты, Алешка, девкой, стало быть должен носить военную форму, – любил заметить дед Алексея Андреевича, сам дослуживший до подполковничьих погон, правда, в войсках медицинской службы. – В противном случае, сочтут тебя таковой... Что есть позорно для нашей фамилии.

– Ну, не интересна мне твоя медицина. Крови на дух не переношу, – хныкал студент-первокурсник военно-медицинского института пограничных войск.

– Право выбора за тобой, внучек, – заговорицки приложив ладонь справа от своих губ и перейдя на шепот, ответил Алексей Игоревич. – Ты только скажи деду чего хочешь, а я уж договорюсь с кем надо.

– ВДВ! – не задумываясь, выпалил тот.

Военврач придирчиво измерил внука пристальным взглядом и задумчиво почесал гладко выбритый подбородок. Ни в росте, ни в фигуре молодой человек не выделялся какими-либо особенными атлетическими данными. И если бы не вспыхнувшие огоньками азарта глаза, в которых, как в зеркале времен, Алексей Игоревич увидел самого себя – дед отговорил бы внука от безрезультатной мечты.

– Будь по-твоему, – усмехнулся он. – Но, смотри, Алешка, обратной дороги не будет...

– Угу, – расплываясь в самодовольной улыбке, кивнул головой тот. – То есть... так точно, товарищ подполковник!..

* * *

– ...Курить хотите, товарищ старший лейтенант? – заботливо протягивая помятую пачку «Примы», спросил широкоплечий толстощекий сержант, отделившись от тесной группы солдат.

– Спасибо, не курю, – замотал головой тот, неохотно возвращаясь из сладких теплых воспоминаний в действительность промозглой кавказской ночи. – Никогда не научился...

– Здесь научитесь, – усмехнулся боец и сослуживцы без стеснения перед «зеленым» командиром поддержали замкомвзвода дружным смешком. – Кавказ заставит... Кавказ научит!

Аракчеев скромно пожал плечами и криво улыбнулся. Слово Кавказ не пугало старшего лейтенанта, хотя и несло в себе некоторую тревожную неизвестность. От шести сложенных воедино букв, описывающих границы этого южного региона, веяло порохом, отважными подвигами и прокопченной мужской суровостью. Сюда, на Кавказ, испокон веков стремились в поисках приключений и новых ощущений brave русские офицеры. Здесь складывалась не малая доля российской истории. Над горами витала с любовью воспетая такими русскими писателями, как Пушкин, Лермонтов, Толстой, щедрая дань к этой дикой,

своенравной земле.

Всем своим естеством Аракчеев ощущал дыхание Кавказа, представляющегося ему каким-то единым живым существом, аксакалом с косматой нечесаной гривой, выбивающейся из-под лохматой белоснежной бараньей шапки, с глубокими старческими морщинами на мудром седобороде челе, с надменным остро-хищным взглядом черных чуть прищуренных глаз, в широкоплечей бурке, из-за полы которой предупреждающе выглядывает витиеватая рукоятка острого изогнутого полумесяцем ятагана.

Скромно улыбаясь самому себе, командир взвода ВДВ позволял разуму наполняться сказочными мечтами о новых интересных встречах с бравыми российскими господами-офицерами в роскошных старорусских мундирах с медными в чешуйках эполетами на плечах. Излучающие вышколенную годами армейскую суровость, беспрекословную любовь к Родине и самоотверженное стремление к улучшению ее блага офицеры встречали ли молодого командира молчаливым учтивым кивком, пожимали ли ему руки, откровенно принимая Алексея Андреевича в свои ряды.

И вот уже совсем скоро, наравне с верноподданными Царю и Отечеству драгунами Аракчеев мчался верхом на настоящем, свойственном только Кавказу машгаке. Именно эта неприхотливая порода степных лошадей испокон веков служила в драгунских полках Кавказской кавалерийской дивизии. Плохо приспособленная к маневренным перестроениям и эволюциям, неказистая на первый взгляд порода прекрасно зарекомендовала себя в условиях трудной горной аванпостной и караульной службы, став верным боевым добронравным другом Российским драгунам.

В отличие от перекормленных, малоподвижных и рослых лошадей, машгаки с легкостью переносили все тяготы и лишения армейской жизни – внезапные атаки на полном карьере, погони, долгие переходы по горным тропам, скудное и часто нерегулярное кормление. И, конечно же, именно машгак, невысокий, поджарый, сверх подвижный и выносливый, стремительно нес своего бравого наездника по раскинувшейся между многовековых гор степи, преследуя злого врага.

С необычайной храбростью и удивляющей всех силой Аракчеев рубился на саблях, покоряя бесчисленные полчища горцев. А вечером, скромно потупив взгляд, принимал похвалы высшего начальства, ордена и медали. И уже через год, а может быть и раньше сам Император принимал Алексея Андреевича в петербургском Зимнем Дворце или в московском Кремле и торжественно вручал ему золотую саблю с именной памятной гравировкой под царским вензелем.

Но не только мечты о военных заслугах наполняли голову старшего лейтенанта, мокнувшего под моросящим над дагестанским милицейским блокпостом ночным дождем. Другая, совершенно отличная от армейской службы, но также непременно касающаяся Кавказа мечта ласкала молодое сердце. Мечта о женщине.

Настоящая кавказская женщина, дитя гор, представлялась Аракчееву малообразованной, дикой и грубой, но прелестной своей стройной статью, грациозностью лани, с длинной угольно-черной косой и покорными глубокими, как лесные озерца глазами. Они встретятся где-нибудь высоко в горах, на пороге уединенной от шумного аула сакле. Она преподнесет ему глиняный кувшин с парным козьим молоком. Он же, смертельно уставший, в дорожной пыли, крови и славе, спешит со своего машгака и будет долго пить молоко, искоса поглядывая на прелестное создание, скромно переминающееся с ноги на ногу в паре шагов от него.

Потом, конечно же, будут страстные поцелуи, нежность горячего тела, сладкий голос и покорность рабыни. По окончании службы он заберет ее с собой в Россию и познакомит с родителями. Они будут жить в большом белокаменном доме на берегу Волги и долгими зимними вечерами он будет воспитывать ее, обучать светской жизни.

Она же с молчаливой благодарностью быстро усвоит все необходимые знания и уже совсем скоро сможет сама читать ему произведения французской литературы в оригиналах, и свободно общаться на званых обедах и прочих торжествах, тем не менее не теряя своей дикой прелести, превосходящей и тем самым отличной от всех этих гламурных светских львиц.

– Ваше благородие, – совершенно отчетливо послышалось едва ли не над самым ухом старшего лейтенанта. – ...Я извиняюсь, позвольте полюбопытствовать-с...

Аракчеев невольно вздрогнул и обернулся на голос. В паре-тройке шагов от него стоял высокий широкоплечий молодой человек, еще не взрослый мужчина, но уже и не желторотый юнец. Его правое плечо скрывала черная бурка, едва ли не касаясь подолом земли; голову увенчивала лохматая баранья шапка. Но он не был горцем, уроженцем Кавказа. На левом плече старорусского мундира сиял медной чешуей драгунский эполет, с бедра свисал палаш, а из-под папахи выбивался русый чуб.

Алексей Андреевич сконфуженно опустил глаза: высокие драгунские ботфорты незнакомца тонули в хлюпающей грязи. Он не был тем столичным денди, щеголяющим в высокой кивере, белых лосинах и до зеркального блеска начищенных ботфортах, образ которого можно найти на старинных гравюрах в учебниках истории. Смуглое, обветренное волевое лицо «украшал» багряный шрам, перечеркнувший левую щеку от глаза до подбородка. Старший лейтенант снова поднял взгляд и пристально с немым вопросом в глазах уставился в смеющееся лицо молодого драгунского унтер-офицера. Последний игриво подмигнул.

В ту же секунду изменивший свое направление ветер обогнул урчащий грузовик и бессовестно плеснул в лицо Алексея Андреевича щедрую порцию холодной влаги. Аракчеев поежился, отер лицо ладонью и поглубже спрятал голову в плечи.

– Товарищ старший лейтенант, – тот же голос послышался снова, но на этот раз на месте драгуна стоял обычный российский сержант.

Под тяжелым бронежилетом, через щегольски расстегнутый ворот бушлата виднелась тельняшка – гордость каждого десантника; из многочисленных карманов «разгрузки» торчали дополнительные магазины для АКМ; высокие берцы с налипшей на них грязью утопали в мутной луже; крепкие мускулистые руки расслабленно лежали на свисающем с бычьей шеи автомате. Боец явно желал вытянуть командира на беседу.

– Разрешите-те полюбопытствовать, – с откровенной, даже добродушной улыбкой на искаженном багряным шрамом лице обратился сержант. – Чего это у Вас за ремнем? Кинжал что ли?

Мельком взглянув на торчащую из-за отворота плащ-палатки рукоятку старинного кавказского оружия, Аракчеев смущенно пожал плечами. Недавнее видение в образе кирасирского драгуна неохотно медленно покидало память, возвращая Алексея Андреевича к реальности.

– Ну... Во-первых, это не кинжал, а ятаган, – учтиво кивая, уточнил он. – У кинжала клинок прямой, а у ятагана – изогнутый, на подобии полумесяца... Во-вторых...

– Вы, товарищ старший лейтенант, его в Пятигорске приобрели? – сержант небрежно

перебил Аракчеева, легко и быстро увлекаемого излюбленными темами, если разговор касался таковых.

– Так точно, в Пятигорске, на рынке, – улыбнулся Аракчеев и, горделиво распрямив узкие плечи, бережно погладил узорчатую рукоятку ладонью.

Сознание незамедлительно выдернуло из закров памяти Пятигорский рынок. Просторные, подобно самолетным, ангары, многочисленные прилавки, разноцветные палатки чередовались с компактными шашлычными, чебуречными и чайными. Яркие фруктовые прилавки сменялись приторными медовыми, те в свою очередь молочными, далее ореховыми, пряничными, конфетными. Перетекая на другую сторону торговых рядов, подставляли деревянные спины под мясные горы, колбасные батареи, рыбные косяки – настоящий кавказский базар.

Без стеснения вылупившись замороженным взглядом во все это великолепие, Алексей Андреевич неторопливо шел между рядов, кое-где останавливался, пробуя то чучхелу, то люля-кебаб, то шаурму, то чебурек.

– Че к нам приехал? Че на наших девок смотришь? Че водку пьешь? – перебивая друг друга, говорили молчаливые взгляды щетинистых кавказских лиц, встречаясь с улыбающимися глазами молодого офицера.

Сержант глубоко затянулся сигаретным дымом и шагнул ближе к Алексею Андреевичу, зачем-то перейдя на шепот.

– Товарищ старший лейтенант, – сказал он, в добавок к шепоту прикрываясь ладонью с тлеющей в ней сигаретой. – Выбросьте, бога ради... А то засмеют.

– Как это «выбросить»? – возмущенно, но неумело лязгнул стальными нотками офицерского голоса Аракчеев, но в следующую минуту заметил лукавую искорку в глазах солдата и сконфуженно тихо переспросил. – Подделка?

Ничего не ответив, верзила-сержант одной рукой резко выдернул из плотно прикрепленных на его бедре ножен увесистый трофейный стилет с припаянным к рукоятке кастетом, в то время как вторую руку протянул командиру раскрытой вверх ладонью.

Алексей Андреевич вынул свой ятаган из-за ремня и отдал бойцу. Тот в свою очередь достал клинок из расписных замысловатым кавказским рисунком ножен, ловко пожонглировал им и вдруг резко ударил по лезвию ятагана своим стилетом. От соприкосновения обоих оружия по ушам больно хлестнул неприятный металлический звон.

– Ну вот, как-то так, – пожал могучими плечами десантник, возвращая ятаган старшему лейтенанту.

Опустив глаза на блестящий изящный клинок, Алексей Андреевич глубоко вздохнул и расстроенно выдохнул. Глубокая щербина исказила некогда идеальное лезвие кавказского сувенира.

– А ведь убеждал, что настоящий, – тихо пробубнил себе под нос Аракчеев, вспоминая торг с рыночным продавцом. – Говорил, что всякому русскому офицеру положено такой иметь...

– Да не расстраивайтесь Вы так, товарищ старший лейтенант, – панибратски прихлопнув по плечу командира, утешительно улыбнулся боец. – В любой станице, тут, на Кавказе, еще приобретете настоящий кинжал... Барыга Вам верно сказал, из давно русские офицеры на Кавказе первым делом кинжалом обзаводились и папахой. Не гоже и нам традиций нарушать!

– Папахой? – подняв на сержанта все еще полные грусти о потерянном сувенире глаза, тихо переспросил старший лейтенант.

Тот вопросительно заглянул в командирские глаза и пренебрежительно сплюнул сквозь зубы себе под ноги. Отправив окуроч в лужу и развернувшись так, что укрыл Алексея Андреевича от посторонних взглядов толпившихся тут же солдат, сержант-десантник тихо с некими нотками заговора переспросил:

– Вы и папаху купили, товарищ старший лейтенант?

– Ага, – без прежней офицерской напыщенности, также тихо ответил тот, виновато пряча глаза. – Взглянешь?

Сержант молча кивнул. Мужчины обошли грузовик и Аракчеев открыл дверцу кабины, тотчас же достав из-под сидения лохматую шапку. Он передал ее в руки «специалиста» и тот долго крутил папаху перед носом, гладил лохматые бараньи кудряшки, встряхивал и снова подносил к глазам. Наконец он отдал кавказскую шапку законному владельцу и расплылся в широкой откровенной улыбке.

– А вот тут Вас, товарищ старший лейтенант, не обманули, – сказал десантник.

– Что, правда, хорошая? – недоверчиво переспросил старший лейтенант.

– Да, Вы, сами смотрите, – утвердительно кивнул боец. – Шерсть длинная, цвет ровный, свалывшихся ключьев нет...

– А если бы были? – старательно рассматривая папаху, спросил Аракчеев.

– А если бы были, – раскуривая очередную сигарету, процедил сквозь зубы десантник. – Как есть, дохлого барана драли... К тому же, больного.

Алексей Андреевич невольно вздрогнул. Ему искренне хотелось верить, что сержант не обманывает его и не насмехается. Но в душу уже закралось кислое ощущение от недавнего обмана, к тому же хорошо развитое воображение настолько реально представило дохлого барана, что рукам незамедлительно захотелось отбросить шапку прочь.

– Да, Вы, носите ее, товарищ старший лейтенант. Не стесняйтесь, – снова улыбнулся сержант. – А если кто усомнится или скажет Вам чего обидного на счет шапки, так Вы ко мне посылайте... Уж Вадя Греков кому хошь, че хошь докажет!

В подтверждение вышесказанного боец крепко прихлопнул кулачищем себе в грудь и снова расплылся в откровенной улыбке.

– Кстати, меня Вадимом зовут, – протягивая ладонь для рукопожатия, представился десантник.

– Алексей, – сжимая предложенную руку, ответил Аракчеев, но тут же немного подумав, решил все же подчеркнуть соблюдение субординации. – Алексей Андреевич...

– Мой предок... лет двести назад... тут, на Кавказе, комендантом в Грозной был. Генерал-майор! – гордясь своими корнями, солдат многозначительно поднял указательный палец в плачущее мелким дождиком небо, а затем похлопал по неуместно смотрящимся на широком плече суконного драгунского мундира сержантским лычком.

– В Грозном? – заинтересованно переспросил офицер.

– Никак нет, Ваше благородие, – отмахнулся рукой Греков. – Тогда это еще не город был, а всего лишь крепость... Гроз-на-я! Ну да, пойдемте что ли... Вон уж Топорков извелся весь.

Алексей Андреевич неохотно отвел взгляд в сторону и действительно заметил встревоженно рыскающего глазами ефрейтора-ямщика.

– Товарищ старший лейтенант, вот Вы где, – всплеснул руками тот, подбегая к Аракчееву на неуклюже разъезжающихся по скользкой грязи ногах.

– Можем ехать дальше? – спросил тот.

– Неа, не сегодня, – отрицательно замотал головой водитель. – Дороги дальше совсем нет, размылася. Да и опасно в ночи тут ездить.

– А как же нам быть? – вопросительно приподняв брови, переспросил старший лейтенант.

– Ну, я не знаю, товарищ старший лейтенант, – пожал плечами Топорков, краем глаз поглядывая на сержанта.

– Может мы можем здесь переночевать? Можно нам как-нибудь с милиционерами этими дагестанскими о ночлеге договориться?

Ефрейтор Топорков и сержант Греков быстро переглянулись. Оба поняли друг друга без лишних слов: командир совсем «зеленый», от «мы» говорит, будто решение принимать должен не он, а весь порученный ему взвод коллегиально. На лицах обоих солдат мелькнула легкая усмешка, мол, ничего, научится; шишек на свою желторотую голову набьет и научится; еще покажет себя настоящим офицером-командиром, если только раньше, по глупости, пулю не поймает. Немой беседы старослужащих бойцов Алексей Андреевич естественным образом не заметил.

– Договориться, конечно, можно, – усмехнулся Топорков. – Пойду что ли попробую.

– Давай уже, Топор, – Вадим крепко прихлопнул водителя по плечу ладонью. – Попробуй, очень попробуй!

– Давай, Топорков, – старательно напустив на себя офицерскую напыщенность, отдал распоряжение Аракчеев. – Как договоришься, доложи мне лично.

От внезапной важности мало чем отличающегося по возрасту от своих подчиненных старшего лейтенанта, ефрейтор не удержался и тихо подавился смешком, но тут же осекся, заметив огромный, тяжелый, устрашающе-маячащий из-за плеча командира кулак сержанта Грекова.

Топорков вытянулся по стойке смирно, отдал честь и бегом бросился в темноту. Алексей Андреевич проводил его взглядом и обернулся к Вадиму. Последний скромно пожал могучими плечами и молча улыбнулся, а про себя подумал:

– «Эх, зелень, у тебя же на лице все твои мысли видно!»

– А как же завтра? – задумчиво пробормотал комвзвода, то ли для себя самого, то ли вызывая к помощи опытного десантника. – Может дорога к утру подсохнет, а?

– Не думаю, товарищ старший лейтенант, – отрицательно замотал головой Вадим. – Зная Топоркова, он не только о ночлежке позаботится, но и с таксистами договорится, лишь бы самому с нами не тащиться, да побыстрее в свою автороту вернуться... Словом договориться, не извольте беспокоиться... Подкинут!

– С кем? – удивленно переспросил Аракчеев. – На чем подкинут?!

Заметив откровенно непонимающее выражение лица командира, Греков ухмыльнулся, но от дальнейших шуток отказался.

– Топорков на «Урале» от поста обратно поедет, – пояснил сержант. – А утром даги на своей «бэхе» до наших подбросят. Я уж договорюсь. ...Пойдемте, Ваше благородие, поужинаем-с...

Мужчины обошли грузовик и, старательно ловя свои тела на каждом шагу в липкой и в то же время неимоверно скользкой грязи, направились к зловещему, почти звериному урчанию, доносившемуся из темноты. Сержант Греков на ходу махнул рукой остальным бойцам и те потянулись вслед за ними.

Акулей мордой из темноты выплыл тяжелый БМП, уставившись дулами пушки и пулемета едва ли не в лоб ночных гостей. Сразу за ним, как за охранным цепным псом, ютилось некое ветхое на вид, одноэтажное зданьице, лишенное всяких представлений об архитектуре. Сквозь узкие окошки, вытянутые вверх на подобие крепостных бойниц, струился тусклый мерцающий свет по всей видимости керосиновых ламп.

Милиционеры любезно распахнули скрипучую дверь, пропуская гостей внутрь. Даже невысокому старшему лейтенанту пришлось пригнуться, чтобы на входе не зацепить головой верхнюю балку дверного косяка. А уж крепкие широкоплечие десантники тем более с трудом просунулись следом. Однако внутри помещение заметно преобразалось, поспешно набирая недостающие баллы.

Серые снаружи стены оказались щербатыми, но старательно выбеленными изнутри. В центре возвышался длинный сколоченный из неотесанных досок стол, вдоль него по обе стороны тянулись такие же лавки. Само же помещение загадочно уходило куда-то далеко вглубь. Присмотревшись, Алексей Андреевич ухмыльнулся своей догадке: не имея задней стены, зданьице прижималось к скале и ее «нутро» продолжалось в скрытой полумраком пещере. Там же буквой «П» располагались застеленные выцветшими и изрядно потрепанными коврами топчаны. Обогнув переминающегося с ноги на ногу при входе командира взвода, бойцы беспринципно торопливо устремились выбирать себе спальные места.

– Присаживайтесь, товарищ старший лейтенант, – любезно похлопывая по дощатой лавке ладонью и одновременно ослабив ремни бронежилета и расстегивая бушлат, Греков позвал Аракчеева к себе. – Поужинаем.

Прислонив автомат с краю стола, Алексей Андреевич утвердительно кивнул, скинул с плеч плащ-палатку и расстегнул бушлат. В страшненьком помещении было тепло и от того довольно уютно.

Присев напротив заботливого сержанта, старший лейтенант почувствовал некоторое неудобство: злосчастный ятаган по-прежнему торчал из-за ремня и теперь упрямо упирался рукояткой под ребра. Мельком взглянув на Вадима, Аракчеев стыдливо опустил глаза, осторожно вынул ножны из-за ремня и отложил ятаган на лавку подальше от себя. Блеснувшая на лице Грекова ухмылка подтвердила опасения комвзвода – его действия не остались незамеченными. На щеках молодого командира загорелся багряным светом откровенный румянец.

– Да не расстраивайтесь Вы так, товарищ старший лейтенант, – Вадим первым нарушил затянувшуюся пыточную паузу. – Найдете Вы еще свой кинжал... А пока...

Он запустил руки под стол, несколько секунд повозился там, будто расстегивая что-то непослушное и наконец достал и положил перед Аракчевым свои набедренные ножны с торчащей из них тяжелой рукояткой чеченского стилета.

– А пока вот Вам, Алексей Андреевич, – улыбнулся десантник. – Берите. Подарок от всего нашего взвода! ...Это трофейный стилет. Очень удобная в умелом использовании штука.

– Нет, что ты, Вадим, – замахал и руками, и головой тот, отказываясь от подарка.

– Берите, товарищ старший лейтенант! – добавив в голосе строгой убежденности, возразил Греков. – Без хорошего ножа на Кавказе нельзя...

– А ты как же? – напроць забыв о какой-либо субординации, совершенно по-дружески переспросил Аракчеев, все же не решаясь забрать стилет со стола.

– За меня не волнуйтесь, я позже другим обзаведусь, – лукаво прищулив глаза, ответил тот. – Быстрее, чем Вы...

– Спасибо, – тихо произнес старший лейтенант и бережно подтянул оружие ближе к себе.

Наскоро расправившись с незамысловатым ужином, Алексей Андреевич немногословно поблагодарил десантника и откинулся спиной к стене. Свободного места на топчанах уже не было, а глаза закрывались сами собой. Вадим прибрал со стола остатки пиршества и, набросив на плечи снятый ранее бушлат, вышел на перекур. Под мирный храп одних бойцов и приглушенные разговоры других, старший лейтенант провалился в глубокий беззаботный сон...

Там, где дуют ветра...

*Там, где дуют ветра, там, где алый закат
Растворяется за полночь медленно в сопках,
Там рождает земля возмужавших ребят
На десантных коварных, запутанных тропках.*

Владимир Воронов

Под возникший грохот армейских берцов о дощатый пол, улюлюканье и смех Алексей Андреевич бодро открыл глаза и сладко зевнул. Обнаружив себя проспавшим всю ночь в положении сидя, Аракчеев натужно потянулся, с хрустом «разламывая» оттекшие за недолгую ночь мышцы. Тем не менее он признался себе, что выспался сполна и находится в совершенно бодром состоянии духа. К сожалению ни на умывание, ни на завтрак времени не оставалось. Милицейский БМП сердито урчал в нескольких шагах от «ночлега», готовый отвести ночных гостей до места их дислокации.

Едва старший лейтенант переступил порог, как яркий солнечный свет уверенно восходящего солнца ослепил его. Зажмурившись и протерев глаза кулаками, Алексей Андреевич зашагал к даргинскому «такси», в прожорливое брюхо и на броню которого уже рассаживались бойцы.

Открывшаяся Аракчееву панорама завораживала. От разыгравшейся накануне ночью непогоды не осталось и следа, не считая все еще хлюпающей под ногами, но уже подсыхающей грязи. Теплый ласковый ветерок наполнял свежий бодрящий воздух благоуханием трав и дубовых рощ, темнеющих в полукилометре назад по дороге. В свете солнца еще по-летнему зеленые дубравы искрились осторожными золотыми мазками осени. В ясном безоблачном небе гордо парил величественный хозяин Кавказа. Грациозен, царственен, раскинув крылья на несколько аршин, орел буквально обнимал воздух, лежал на нем, качался. Мягкий сладкий аромат полевых трав беззаботно витал в воздухе, ласкающий и насыщенно наполняющий обоняние.

– Давайте к нам, товарищ старший лейтенант, – прокричали сразу несколько голосов, с улыбками на лицах махая Аракчееву руками. – Окрестности посмотрите!.. Страшная красота!

Комвзвода улыбнулся им в ответ и неуклюже вскарабкался на броню, устроившись на башне, около пушки. По-детски увлеченным взглядом он осматривал окрестности дагестанского милицейского поста, подернутые золотом дубравы, захватывающие дух горные ландшафты и прозрачно-голубое бездонное небо с ярким огненным диском величественного светила.

Скользя глазами по всей этой диковинной красоте Кавказа, Алексей Андреевич опустил глаза и носком правого ботинка попытался отколоть прилипший к левому комок грязи. Случайно скосив взгляд в сторону, старший лейтенант невольно вздрогнул. На броне БМП, рядом с его собственными ногами стояли ноги сидящего рядом сержанта. Но в отличие от испачканных в грязи армейских берц, соседствующая пара отличалась заостренными, сапогами с вытянутыми, чуть изогнутыми вверх носами и высоким каблуком. Воровато скользнув вверх по голенищу сапог, последние сомнения Аракчеева мгновенно развеялись –

сержант был обут в высокие драгунские ботфорты. Выше, между колен, поддерживаемый крепкой лапшей за витиеватый эфес, лучисто поблескивал обнаженным клинком кирасирский палаш. Шумно сглотнув слюну, Алексей Андреевич поднял глаза выше.

Лежащие на коленях мускулистые руки уходили в широкие в косую сажень плечи, но не физически хорошо сложенная стать сержанта вызывала восхищение молодого офицера. Старорусский черный, как смоль, с огненно-красным высоким воротничком драгунский мундир не менее ярко, чем обнаженный клинок палаша, сверкал медной чешуей эполет. Совсем по-гусарски Греков закрутил уголок левого уса и взъерошил выглядывающий из-под мохнатой папахи русский чуб. Не сержант воздушно-десантных войск Российской армии, но драгунский кавалерист смотрел на застывшего в оцепенении Аракчеева с лукавой улыбкой.

– Нравится, Ваше благородие? – спросил он.

– Что, прости? – переспросил Аракчеев, с трудом шевеля онемевшим в иссохшем рту языком.

– Оружие, естественно, господин подпоручик... Нравится, спрашиваю-с?

Алексей Андреевич медленно опустил глаза, уставившись на игриво прокручиваемый между ног Грекова палаш. Клинок снова поймал очередной луч света и режущим рикошетом ослепил старшего лейтенанта. Последний зажмурился и дернул головой в сторону.

– Простите, товарищ старший лейтенант, – поспешил извиниться Вадим. – Я не нарочно...

Утерев моментально брызнувшие из глаз слезы кулаком, Аракчеев захлопал ресницами и только потом открыл глаза. Палаш исчез. Вместо него на том же месте, между колен драгунского унтер-офицера, упершись прикладом в броню БМП, а дулом в небо, торчал автомат Калашникова.

– Нравится, товарищ старший лейтенант? – снова спросил сержант Греков, похлопывая рукой по сложенным «валетом» и перетянутым изолентой рожкам. – Я сам придумал... В бою эффективнее! Да и время экономит.

Все еще не в состоянии избавиться от недавнего видения, Алексей Андреевич пристально уставился на автоматный магазин.

– Достал два магазина от ручного пулемета, – тем временем продолжал хвастать Вадим. – Емкостью они на пятнадцать патронов больше, чем автоматные... в каждом по сорок пять штук помещается. Девяносто патронов постоянно под рукой, не красота ли, товарищ старший лейтенант, а?

– Угу, – утвердительно кивнул Аракчеев.

– Жаль только, что автомат калибра пять сорок пять, а не семь шестьдесят два, как раньше. У пять сорок пять большой рикошет и пуля «гуляет», а семь шестьдесят два как приложил, так уж приложил!

Старший лейтенант криво ухмыльнулся, тайком переводя взгляд то на оружие в руках сержанта, то на расстегнутый на груди бушлат с выглядывающей из-под него тельняшкой, то на замызганные грязью стоптанные берцы, то на закрученный к самой макушке подшлемник, напоминающий детскую шапочку-панаму. Ни драгунского мундира со сверкающими эполетами, ни ботфорт, ни папахи на Грекове больше не было. От диковинного образа-видения, во второй раз мелькнувшего перед глазами Алексея Андреевича не осталось ничего, кроме багряного через всю щеку шрама на лице сержанта.

– Бытует такая байка, товарищ старший лейтенант, – чуть наклонившись ближе к уху

Аракчеева, сказал Вадим. – Якобы америкосы во время войны во Вьетнаме пожаловались своим оружейникам, что от их эмки много раненых, но мало убитых... Так, впрочем, и с нашим АКМ... Вот и приехали оружейники к своим войскам на поле боя... Поглядели-посмотрели и прямо на месте начали эксперименты – рассверливали на острие пули отверстие и в него впаивали иголку. От этих операций центр пули смещался и она, хоть и становилась менее устойчива при полете и давала больше рикошета, чем прежняя, но при попадании в человека наворачивала на себя чуть ли не все его кишки. Меньше ранений стало у противника, больше смертельных исходов.

Старший лейтенант почувствовал, как к его горлу подступил острый горький комок. Подсознание, как обычно, живо и красочно представило корчащихся в болотной грязи непролазных Вьетнамских джунглей раненных солдат армии не важно какой страны. Огромная, размером с асфальтоукладчик, пуля подминала под себя несчастных, наворачивая их тела на шипованный вал.

– Наши ничего оригинальнее не нашли, как пойти вслед за америкосами, и в Афгане заменили «Калаш» калибра семь шестьдесят два на пять сорок пятый. Может, кому он и нравится, но только не мне.

– Хватит, – сдавленно взвизгнул Аракчеев, прижимая кулак к губам.

Вадим умолк, а Алексей Андреевич глубоко вздохнул, наполняя легкие свежим утренним воздухом. Приступ тошноты прошел сам по себе. Снова обернувшись лицом к сержанту, старший лейтенант сердито нахмурил брови и сказал:

– Хватит разговоры разговаривать... Почему не едем? Нас уже давно на блокпосту ждут...

Вадим одобрительно оттопырил из сжатого кулака большой палец и подмигнул, а затем громыхнул увесистым кулаком по броне, мол, поехали.

БМП дернулась и стремительно нырнула под едва успевший взметнуться вверх шлагбаум задней «калитки». От неожиданности начавшегося движения Алексей Андреевич чуть было не слетел с брони на землю. Он в последнюю секунду цепко ухватился за дуло пушки, к тому же почувствовал крепко сжимающую ворот его бушлата руку сержанта Грекова. Глаза мужчин встретились и десантник молча кивнул:

– *«Ничего, командир, с кем не бывает... привыкнешь!»* – прочитал старший лейтенант в глазах сержанта, час от часу становившегося невольным ангелом-хранителем молодого «зеленого» офицера.

Аракчееву стало стыдно. Подсознание никак не желало смириться с мыслью, что у него появился «усатый нянька». Вся сущность Алексея Андреевича, все его нутро с закипающей в жилах кровью неумолимо желало поскорее доказать всем, что и он не лыком шит. Накаркал ли, стечение ли обстоятельств, но мысль материализовалась еще раньше, чем старший лейтенант нашел более-менее удобную позицию на совершенно неудобной броне.

Нырять длинной акульей мордой, БМП уверенно шла по дороге, прижавшейся к серой скале. Пост дагестанской милиции давно скрылся далеко позади, за бесконечными поворотами петляющей дороги. С умиленным наслаждением подставив лицо теплым лучам осеннего солнца, Алексей Андреевич с интересом рассматривал природу Кавказа, но из-за протянувшейся на километры вперед скалистой гряды, Аракчеев развернулся всем корпусом, оставив скучные серые камни за спиной.

– Любуемся пейзажем-с, господин подпоручик? – спросил драгунский унтер-офицер, лукаво подмигнув командиру взвода.

Последний утвердительно кивнул и молча улыбнулся. Рассевшиеся на броне БМП драгуны, казалось, расслабленно переговаривались короткими фразами, стараясь перекрыть рокот работающих двигателей военного тяжеловеса. Дорога отошла от скалы и юркнула в глубь дубового перелеска. Солнечные лучи яркой иллюминацией засверкали сквозь кроны деревьев. Пахнуло приятной свежестью.

– Ветка! – донеслось до слуха Алексея Андреевича.

– Ветка! – вторив первым голосам, прозвучало от ближе сидящих десантников.

С невольной улыбкой Аракчеев изумился странному обстоятельству – зачем в лесу говорить о ветках, когда они плотным навесом стягивались над головой. Но уже в следующее мгновение мохнатая дубовая лапа жестко хлестнула комвзвода по лицу, сорвав с его головы свернутый на макушке подшлемник.

– Бли-и-ин! – растеря ладонью пылающее от удара лицо, простонал Алексей Андреевич.

– Что с Вами, товарищ старший лейтенант? – заботливо переспросил Греков.

– Ветка... сука!

– Так предупреждали же, – удивленно приподняв брови, заметил десантник.

– Я не понял., – пожимая плечами, обиженно буркнул Аракчеев.

– Парле франсе, Ваше благородие? – ехидно прищурившись, переспросил унтер-офицер.

– Я не понял, что это за предупреждение, – виновато опустив глаза, ответил комвзвода.

– А Вы, верно, подумали, дескать, заметив в лесу ветку, бойцы стали дружно сему факту изумляться? – не унимался сержант.

Алексей Андреевич оставил вопрос замкомвзвода без ответа. Мысленно сравнив себя со слепым котенком, которого кошка-мать перенесла на новое место: ничего не вижу, ничего не знаю, ничего не понимаю.

Тем временем транспортник-тяжеловес вынырнул из перелеска и снова зашуршал по песчаной каменистой дороге, взбираясь по серпантину куда-то вверх, к глубокому голубому небу. Неожиданно что-то гроыхнуло, БМП занесло влево, скорость мгновенно упала и острая морда машины глухо ударилась в торчащий из скалы валун.

– Твою мать! Ты что творишь, урод? – гаркнул в горловину люка Греков. – На каком, блядь, базаре ты права купил?!

– Гусэницу сарвал, таварища сэржант, – отозвался водитель-даргинец, коверкая буквально каждое слово.

– Разворащ...

Но договорить Вадим не успел. В следующее мгновение отовсюду зажужжали впивающиеся в землю и рикошетившие от камней пули. Нахлынувшая волна шквального обстрела в прямом смысле смысла бойцой с брони. Слетая со всеми вместе, Греков все же крикнул «все с брони», хотя того и не требовалось. Зазевавшегося от неожиданности старшего лейтенанта, сержант утянул вслед за собой, ухватив «зеленого» командира за ворот бушлата. Не удержавшись на ногах, Алексей Андреевич рухнул на землю, по инерции прокатился к обочине дороги и больно ударился плечом и головой о подсохшую шербатую грязь. Стиснув зубы и тайком ото всех смахнув выкатившуюся слезу, Аракчеев поднял голову, вглядываясь в камни, нависшие над БМП балконом.

– Куда, нах..!? – рявкнул Вадим, накрывая макушку офицера широченной ладонью и едва ли не втыкая Алексея Андреевича носом в землю.

В ту же секунду над головой со свистом промчался смертоносный рой. Комвзвода чуть

повернул голову вправо и молчаливым виноватым взглядом поблагодарил своего спасителя.

– Успеется еще Вам свою пулю поймать, Ваше благородие, – буркнул унтер-офицер, осторожно выглядывая из-за своего укрытия и тотчас же, не целясь, открывая ответный огонь из автомата.

Алексей Андреевич опустил глаза на свой прижимаемый к груди АКМ, передернул язычок в положение автоматной очереди и, вскинув оружие, нажал на спусковой курок.

– Ставь дымовую завесу! – перекрикивая не умолкающий лай автоматов, приказал Вадим. – Четверо натягивают гусеницу, остальные – огонь!..

Мельком взглянув на Аракчеева, будто бы раздумывая можно ли оставить малоопытного для реальных боевых действий командира одного, Греков криво улыбнулся, подмигнул и быстро покатился в сторону.

Всем своим внутренним миром, от того, как забурлила по венам кровь, смешанная с изрядной порцией адреналина, как сбивалось с ритма дыхание, как остервенело грохотало о грудную клетку сердце, Алексей Андреевич почувствовал азарт боя, охвативший его своими мускулистыми стальными ручищами. Он мысленно признался себе, что был и страх.

– *«Страх, Алешка, первое чувство, – донеслись голосом деда глубинные воспоминания наказов бывшего подполковника. – Ты только твердо знай, переборешь его, почувствуешь привкус крови во рту и ощутишь себя спокойным, могучим, всесильным и непобедимым!»*

– Так точно! – в голос согласился Алексей Андреевич.

На мгновение прекратив огонь и оторвав взгляд от скалистых утесов в поисках бравого сержанта, без обсуждений принявшего на себя командование, он нашел Вадима пробирающегося к БМП. Четверо парней натягивали сорванную гусеницу, остальные, кто откуда – из-за придорожных камней, из-за грязевого брустера обочины дороги, из-за могучего корпуса машины – прикрывали их работу, непрерывно поливая скалу автоматными очередями. Греков нырнул в звенящий рикошетом зев БМП и уже через секунду пушка вздрогнула и поползла влево, тотчас же изрыгнув огненный залп. Фонтан камней и земли взметнулся вверх и градом посыпался на дорогу.

Оглушенный выстрелом, Аракчеев кротко зевнул и совершенно отчетливо для себя заметил, что мозг заработал, как хороший компьютер, мгновенно выдавая правильные решения, множество вариаций и стратегических комбинаций. Судорожно ища скрывающихся в камнях боевиков, Алексей Андреевич прижал автомат к груди, через плечо прокатился в сторону и по-пластунски рванул вперед. Как командиру взвода, ему необходимо было быть среди вверенных ему бойцов.

– Вдох-выдох, вдох и медленный выдох, – бормотал молодой офицер, на секунду застывая за очередным укрытием и снова продвигаясь вперед к БМП. – Все! Я готов... Давай, славяне!..

Автомат глухо закашлялся, отказываясь стрелять. Но прежде чем сменить опустевший рожок, Аракчеев погладил рукой подствольник. Тяжелый, в полкило, прикрепленный снизу к автоматному стволу гранатомет – замечательный аксессуар. Набив руку в обращении с ним еще в офицерской учебке, Алексей Андреевич считал себя мастером, игнорируя прицел подствольника и профессионально забрасывая гранату будь то через стену в несколько этажей, будь то в бутафорскую форточку.

Заметив мелькнувшего за огромным валуном на склоне скалы боевика, комвзвода надавил на спусковой курок и подствольник безошибочно метнул гранату, в одно мгновение преодолев разделяющие российского офицера и моджахеда несколько сотен метров. Взрыв

залетевшей за камень гранаты буквально всковырнул землю, выбросив обезображенное тело вверх.

– Молодца, командир! – крикнул кто-то за спиной и в следующую минуту резко толкнул Алексея Андреевича вперед. – А теперь я...

Аракчеев мельком взглянул назад и на полусогнутых ногах, едва не прижимаясь носом к земле, рванул за БМП. Незнакомый десантник широко улыбнулся, но вместо предполагаемого залпа из подствольника, с силой ударил гранату о каблук, тем самым выставляя ее на боевой взвод, и размахнувшись от плеча швырнул ту не хуже любого гранатомета. Очередной взрыв отправил на встречу к Аллаху сразу двоих правоверных.

– Подствольник заклиняло, – ухмыльнувшись, пояснил курчавый драгун, зачем-то похлопывая боковой плоскостью обнаженного клинка палаша по раскрытой короткопалой ладони. Последняя оказалась одетой в некогда белоснежной перчатке, а к этому моменту изрядно запыленной с узорными грязевыми разводами. Падая на колени рядом с притаившимся за БМП офицером, драгун панибратски подмигнул Алексею Андреевичу и, вскинув автомат, кротко добавил. – Но ведь... где наша не пропадала, а, Ваше благородие?

В следующее мгновение на том самом месте, откуда пару секунд назад сорвались Аракчеев и десантник, разорвалась граната, без сомнений выпущенная из подствольника.

Бой прекратился так же внезапно, как и начался. Все еще недоверчиво всматриваясь в утихшие скалистые утесы, бойцы ВДВ медленно водили дулами разогревшихся автоматов, готовые мгновенно нацеливать очередного супостата свинцом, но засада была поражена.

– С крещеньцем Вас, господин подпоручик, – спрыгивая с брони БМП на землю, крикнул драгунский унтер-офицер Греков.

Бойцы-сослуживцы поддержали сержанта аплодисментами, то подбадривающе похлопывая комвзвода по плечам, то просто подмигивая ему с такой дружеской улыбкой на закопченных и запыленных лицах, что Алексей Андреевич впервые за прошедшие сутки в полной мере почувствовал себя «в своей тарелке».

– Добро пожаловать на Кавказ!..

Здесь обманчива тишина...

*Здесь обманчива тишина и реальна команда «К бою!»
А Россия на всех одна, и она за твоей спиной.
Кто-то скажет: «Самообман!»
Что имели мы, потеряли.»
Но уходит наряд в туман.
Что их ждет там, на перевале?*

Владимир Мазур

С натугой рыча обеими двигателями, БМП вскарабкался на очередной утес и перед глазами Алексея Андреевича выплыли развалины какой-то древней крепости.

Относительно округлая сторожевая крепость с щелевидными бойницами ошетижилась торчащими в небо обломками башен-зубов. Не смотря на разрушенность строение впечатляло своей грозностью и величием. Устроившийся в крепостных стенах и за их пределами военный российский блокпост вносил легкие черты современности в общую картину средневекового отголоска. В памяти Аракчеева неожиданно, сами собой всплыли пушкинские строки, раскрытые в чеченской тематике русского гения.

*Ты зрел, как Терек в быстром беге
Меж виноградников шумел,
Где, часто притаясь на бреге,
Чеченец иль черкес сидел
Под буркой, с гибельным арканом...*

— Как же там дальше-то, — тихо, вслух подумал Алексей Андреевич, не переставая упиваться сказочным видом средневековых развалин, бесконечных, на сколько хватало глаз горных массивов и сердитым утробным урчанием несущей свои холодные воды реки в низовье крутого холма. — Парам-парам па-па-ра-рам... Что-то про грациозность кавказской природы с обширным перечнем соседственных нам горских племен... Ах да...

*В дыму клубящемся сидят
И об убийствах говорят,
Иль хвалят меткие пищали,
Из коих деды их стреляли;
Иль сабли на кремнях остряют,
Готовясь на убийства новы...*

Сидящие на броне десантники единогласно бурно поприветствовали выглянувшие из-за бруствера пулеметного гнезда чумазые лица часовых и машина не останавливаясь промчалась мимо полосатых столбиков сымпровизированного контрольно-пропускного пункта.

— Приехали, товарищ старший лейтенант! — констатировал сержант Греков, спрыгивая

с остановившегося, но не переставшего сердито урчать БМП на землю.

– Угу, – кивнул Аракчеев, неуклюже соскальзывая вслед за Вадимом.

В сопровождении бойцов десанта комвзвода поднялся вверх по извилистой тропке и вошел в окруженный стенами крепости блокпост. Внутри, казалось, жили далеко не армейской жизнью. Одни солдаты сладко посапывали, прижавшись спиной к щербатой стене, другие стучали по котелкам и зубам алюминиевыми ложками, доедая остатки каши, третьи чистили ли оружие, штопали ли «хэбэ», перестирывали и перешивали ли подворотнички, совершенно не обращая ни какого внимания на блуждающего незнакомого офицера.

Алексей Андреевич оглянулся назад, но и своих бойцов не нашел. Уже собираясь выбраться обратно, за пределы крепости, комвзвода заметил сидящего в тени капитана. Широко улыбнувшись, Аракчеев направился к нему и вытянувшись по стойке «смирно», бойко представился:

– Старший лейтенант Аракчеев, Алексей Андреевич! Прибыл...

– Я вижу, что ты прибыл, – перебил его капитан, неохотно отрывая голову от скрещенных на коленях рук и поднимая на старшего лейтенанта усталый взгляд. – Здорово, старлей... Присаживайся, не маячь... И не кричи.

Комвзвода опасливо оглянулся по сторонам, внезапно вспомнив неожиданную засаду на дороге, и присел на корточки рядом с угрюмым капитаном. Последний окинул его безучастным взглядом с головы до ног и только потом, криво улыбнувшись потрескавшимся иссохшими губами, протянул широченную лапу для рукопожатия.

[Купить полную версию книги](#)